

Полевые исследования

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.1

EDN: PNBHRR

Работа, досуг и старость на Чукотке: автоэтнографическое обогащение социального обследования¹

Ссылка для цитирования:

Рогозин Д.М. Работа, досуг и старость на Чукотке: автоэтнографическое обогащение социального обследования // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 4. С. 11–32. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.1> EDN: PNBHRR

For citation:

Rogozin D.M. (2025) Work, Leisure, and Old Age in Chukotka: Autoethnographic Beneficiation of a Social Survey. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 4. P. 11–32. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.1>

Рогозин Дмитрий Михайлович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: rogozin@ranepa.ru

В статье рассматривается опыт полевого исследования системы долговременного ухода в условиях Крайнего Севера. Автор критикует доминирующий в российской социологии дискурс объективированного научного письма, скрывающий субъективные аспекты взаимодействия исследователя с полем. В качестве альтернативы предлагается метод автоэтнографического обогащения, включающий четыре такта: дробление, измельчение, классификацию и сгущение идей. На примере экспедиции на Чукотку демонстрируется, как неформальные взаимодействия, отказы, недоговоренности и культурные особенности региона становятся значимыми элементами анализа. Через призму личного опыта исследователя раскрываются противоречия между формальной отчетностью и реальной практикой ухода за пожилыми, а также различия в восприятии работы, досуга и гостеприимства на Севере. Статья подчеркивает необходимость рефлексивности, этической

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

ответственности и диалогичности в качественных исследованиях, а также развития автоэтнографического письма, сочетающего факт, размышление и повествовательную глубину.

Ключевые слова: автоэтнография; автоэтнографическое обогащение; качественные методы; полевое исследование; долговременный уход; Чукотка; субъективность; рефлексивность; социальная политика; старость; досуг

— Чему ты учился шесть лет... Старики-классики писали геологические романы. Они давали завязку — фактический материал, они давали интригу — ход собственных мыслей, они давали развязку — выводы о геологическом строении. Они писали комментарии к точке зрения противников, они писали эссе о частных вариантах своих гипотез. И, кстати, они великолепно знали русский язык. Они не ленились описать пейзаж так, чтобы ты проникся их настроением, их образом мыслей. Так делали старики.

Олег Куваев «Территория»

(Совет Андрея Гурина, бывшего геолога, своему товарищу Сергею Баклакову по написанию отчета)

- Вы что-нибудь знаете о Чукотке?
- Мало что, практически ничего.
- А Вы когда-нибудь бывали на Чукотке?
- Нет, не бывал.

— Не бывали — и не надо начинать. Что Вы здесь можете изучить, что понять? Ничего. Мы живем в XVI веке: ничего хорошего, ничего нового у нас нет. Огромные расстояния — никуда Вы не доберетесь. Большие отпуска — никого сейчас не найдете.

- Может, нам отложить поездку?

— Не нужно, сейчас хоть погода хорошая. Да, я ухожу в отпуск, но кто-то всегда будет замещать. Если надумали приезжать, приезжайте сейчас. Ничего не изменится, ничего не добавится. Не понимаю, правда, зачем Вам приезжать? По ВКС (видео-конференц-связь. — Прим. авт.) можно всегда поговорить.

Телефонный разговор с одним из руководителей департамента социальной политики Чукотского автономного округа оказался обескураживающим и одновременно мотивирующим. Нет ничего более интригующего для исследователя, нежели прямые советы не прилетать, не изучать, не знать. И мы полетели.

Научный дискурс российских социальных исследователей

Российские социальные обследования зачастую выполняются в режиме объективированных экспертных описаний, то есть текстов, в которых невозможно личностное высказывание, выводы претендуют на внесубъектную истинность, методические сбои и ошибки нивелируются или оправдываются.

За структурной подачей материала с выделением целей исследования, гипотез, описанием методов и результатов не находят отражения реальные практики проектирования и реализации отбора респондентов, особенности установления доверительных отношений и личная позиция исследователя. Обоснование того или иного прикладного или теоретического выбора скорее относится к речевым актам оправдания, нежели к уточнению и подготовке критической позиции. Научный текст легитимирует объективный статус исследователя, определяя его социальную дистанцию от объекта и субъектов исследования. По большей части социальная наука в России производит дискурс подтверждения и оправдания, а не критики и диалога.

Не буду перечислять многочисленные подделки исследовательской практики, производимые исключительно ради административной отчетности, которым несть числа. Рассмотрим статью авторитетных исследователей российской власти, профессоров Аллы Чириковой и Валерия Ледяева, которые описывают особенности муниципального управления в малом российском городе на основании многолетних эмпирических наблюдений [Чирикова, Ледяев, 2025]. Несмотря на практическую направленность статьи, описание метода занимает не более одной двадцатой части совокупного текста. В нем справочно упоминаются годы проведения исследования, города, причины отбора, вид интервью и способ организации выборки:

«Исследование проводилось в 2011–2015, 2018–2020 и 2023 гг. в шести малых городах трех регионов России — Кунгур, Чусовой, Губаха (Пермский край); Шuya, Кинешма (Ивановская область); Моршанск (Тамбовская область). Эти города представляют собой типичные вариации российских малых городов с населением от 30 до 80 тыс. чел. Пермский край — развитый промышленный центр России; Ивановская и Тамбовская области относятся к дотационным регионам со средним и ниже среднего уровнем экономического развития. Второй причиной выбора этих местных сообществ стала их относительная доступность для исследования.

<...>

Основной материал был получен в ходе глубинных интервью с представителями городских и региональных элит; всего 197 интервью (87 — на первом этапе, 89 — на втором, 21 — на третьем). При выборе респондентов мы руководствовались упрощенной комбинацией позиционного и репутационного методов. Списки интервьюируемых готовились заранее, исходя из занимаемых ими позиций, и дополнялись по мере интервьюирования новыми именами с учетом их репутации» [Чирикова, Ледяев, 2025: 30].

Упоминание о типичности отбираемых территорий весьма распространено среди российских обществоведов. В то время как открытое упоминание об относительной доступности сообществ для исследования нехарактерно. Однако авторы не раскрывают, из чего складывается доступность, не указывают

на особенности продолжающейся годами коммуникации, не обозначают собственную позицию. Далее перечисляются как само собой разумеющиеся методы отбора — позиционный и репутационный — на деле всего лишь конвенциональное обозначение некоторых коммуникативных процессов, оставленных в статье без внимания. На основании чего корректировались списки опрошенных? Как и кем велись переговоры? Много ли было отказов? Как было получено информированное согласие? Возникали ли конфликты в ходе исследования и как они разрешались? Как участники воспринимали исследователей? Каковы были их ожидания? И так далее, и тому подобное — вопросов много. Но выбранный научный дискурс определяет их незначимыми, не имеющими отношения к исследованию и проверяемым гипотезам.

Аналогично строится и последующее повествование: подтверждающие цитаты не превышают одного предложения и не имеют авторства, участники исследования не называются по именам, указываются лишь их властные позиции, отсутствуют и упоминания о сомнениях, поисках, позициях исследователей. Текст представляет некоторый непротиворечивый, доказательный, истинный нарратив, образец научного письма, в котором повествование ведется не от лица исследователя, а от самого исследования. Результаты «демонстрирует» не исследователь, а исследование, например:

«Исследование продемонстрировало, что вмешательство губернатора и его команды в городскую политику обусловлено не только существующим проблемным полем. Оно зависит от того, какой ресурсной базой обладает город: наличие экономических, политических, культурных и иных ресурсов повышает вероятность включенности в политические процессы представителей региональной власти. В этом плане большинство локальных сообществ, в которых проводилось исследование, не привлекали какого-то особого внимания региональных властей („у нас не так много денег, чтобы быть интересными губернатору“)» [Чирикова, Ледяев, 2025: 36];

«...в последние годы активность предприятия и его роль в локальной политике заметно снизились, поскольку новое руководство отказалось от установки на активное участие в городской политике („новому директору город не интересен, перед ним стоят экономические задачи и только“)» [Чирикова, Ледяев, 2025: 33].

Подобная объективированная манера письма формируется не только для русскоязычной аудитории. В том же выпуске журнала «Мир России» опубликована статья Елизаветы Солоненко, написанная на английском языке и предназначенная в том числе для зарубежных читателей [Solonenko, 2025]:

«Данные получены в результате 48 полуструктурированных и глубинных интервью, а также общих наблюдений. Села находились вблизи национального парка, созданного на Дальнем Востоке примерно 10–20 лет

назад. Ниже приводятся социально-экономические условия этих сел, описание их географического положения относительно границ национального парка, а также характеристика местных социальных структур. Полевая экспедиция проходила в конце весны 2023 года. Было посещено пять сельских населенных пунктов, среди которых: деревня, полностью окруженная национальным парком (деревня А); два поселения, расположенные на границе национального парка и окруженные им с нескольких сторон (деревни В и С); и две деревни, отделенные от национального парка дорогой (деревни D и Е)» [Solonenko, 2025: 81].

Автор подчеркивает сенситивный характер исследования, обосновывая этим отказ от ведения аудиозаписи. Столь радикальное по современным меркам решение описывается как некоторый факт, не подлежащий сомнению, который как бы отражает мнение всех без исключения участников исследования: местного населения, представителей власти, экспертов. Сами категории выбраны предельно анонимизировано, в них не увидеть ни позиции, ни статуса, ни уникального речевого поведения. Эмпирические данные включали наблюдения и глубинные интервью с населением, местными органами власти и экспертами, задействованными в функционировании национального парка. Аудиозапись во время интервью не использовалась, поскольку обсуждались деликатные темы. Местные жители были готовы высказать свое мнение относительно национального парка, рассказать о своих экономических практиках и участии в теневой экономике, однако без записи, так как они не могли доверять исследователю-аутсайдеру [Solonenko, 2025: 82].

Первоклассная полевая работа, поддержанная Фондом «Хамовники» и выполненная под руководством Симона Кордонского, в научном тексте представлена как некоторая объективированная экспедиция, в которой не проблематизируются ни выбор места исследования, ни поиск информантов, ни особенности коммуникации с ними, ни позиция исследователя — ничего. Сложности, сомнения, диалогичные дискурсивные конструкции в таком письме определяются как слабость, недостаточное теоретическое и эмпирическое представление материала. От исследователя ждут непротиворечивого и логичного повествования, обосновывающего и оправдывающего позицию самого исследования как некоторого научного предприятия, стоящего выше любого из его участников. В такой картине мира истина есть очищенная от противоречий система аргументов, в которой участники исследования могут играть лишь роль поставщиков информации, информантов и осведомителей.

Я намеренно останавливаюсь на сильных, хорошо спроектированных и реализованных качественных исследованиях, которые вместе с тем изложены объективированным языком описания². В таком изложении нет

² Ранее я проводил библиографический анализ эмпирических работ в сфере образования, опубликованных в первой половине 2022 года [Рогозин, Солодовникова, 2023: 127–142]. Из базы научных статей были отобраны 72 статьи, из которых 28 оказались релевантными поставленной задаче: статьи отражали результаты эмпирических исследований. В 26 из них упоминались методологические трюизмы, давались отсылки к ложной репрезентации, имитировались количественные исследования и демонстрировался любительский подход к организации социологических опросов.

ничего фальсифицирующего, катастрофического или ненаучного. Потому нет необходимости искоренять или упразднять практики объективированного научного письма. И навряд ли это у кого-то бы получилось. Научный дискурс поддерживается не индивидуальными акторами, а самим академическим сообществом: учеными советами, редколлегиями научных журналов, маститыми докторами наук, профессорами и академиками.

Реализация административной выборки участников системы долговременного ухода

Мы (я и моя коллега Александра Ченцова) летели на Чукотку в полном неведении: ни согласованного графика интервью, ни жилья (лишь потом с большим трудом, по неформальным каналам удалось остановиться в общежитии многофункционального колледжа), ни транспорта (даже из аэропорта добраться до города не так просто, нужно переправиться через лиман), ни представлений о географии исследования. Письмо на имя губернатора и его поручение ничего не значили или значили что-то иное, нам неведомое. Одним словом, нас не ждали:

«Ну сказали мне, что едете. Два раза сказали или три. Я что, становиться должен?! Приедете — там и посмотрим. Вот приехали, мы посмотрели, теперь все сделаем, что сможем», — в неформальном разговоре на рыбалке искренне недоумевал один из руководителей центра социального обслуживания (м., представитель центра социального обслуживания, 36 лет).

Только на второй день встретились с представителем департамента социальной политики:

«Начальника нет и заместителя, курирующего ваш вопрос, нет, но я постараюсь на какие-то вопросы ответить и какой-то материал подыскать. Что получится (смеется). У нас регион маленький, и всеми вопросами занимается один-два человека, вся социальная политика занимает один этаж. <...> Территория большая, но если есть 50 тысяч, то уже хорошо. Чего вы хотите? (Смеется). Территория большая, а населения нет. Небольшие поселки, до которых не доберешься. Есть нуждающиеся, но охватить их не можем, поскольку все процедуры по оценке нуждаемости осуществить на дистанции нельзя» (из дневника автора).

Лишь в двух статьях из 28 присутствовало формальное методическое описание: по структуре методического описания они весьма схожи с представленными выше. Радикальность моих выводов может быть подвергнута сомнению и опровергнута, но это требует дополнительных библиографических изысканий.

Ничего удивительного, что мы никуда не добрались. Анадырь и Угольные Копи оказались единственными местами нашего пребывания на Чукотке. Казалось бы, полный провал экспедиционной работы, отсутствие возможности реализовать план исследования, собрать необходимый материал. Мы так и говорили каждый день ответственному за наш визит, молодому и перспективному руководителю, курирующему систему долговременного ухода в Анадыре, говорили и понемногу осматривались, инициируя разговоры, неформальные беседы.

На второй день только одно интервью в департаменте и объяснения, что найти кого-то крайне затруднительно. На третий день два интервью в центре социального обслуживания с руководством и заверения, что все в отпусках или на работе, с кем-то поговорить сложно. А дальше вся неделя в ожидании.

«Все в отпусках, а кто здесь, отказывается говорить. Такая у нас специфика», — слышим в очередной раз (ж., представитель центра социального обслуживания, 45 лет).

Мы не отчаливались и продолжали улыбаться, и нам улыбались в ответ, пытались поддержать, показать культурную жизнь города. День города в субботу, визит в ярангу (национальное жилище на Чукотке) в воскресенье, рыбалка в понедельник. И только в последний день привычная полевая работа, интервью. Я подумывал об особой ментальности северян, неспешности, ином восприятии времени и приезжих, вторгающихся в сложившийся распорядок дня, но переплыли лиман — и в Угольных Копях абсолютно другая ситуация. Оба дня плотной работы: встретили, разместили, организовали интервью. Вновь без предварительного графика, но и без ожиданий и отложенных обещаний. В итоге на Чукотке из намеченных трех районов побывали в двух, из запланированных 32 интервью взяли 16. Всего одно интервью с получателем услуг по уходу, в основном с помощниками и специалистами. Осмысленных разговоров, бесед, обменов мнениями состоялось 25.

Почему на материке (как на Чукотке называют остальные регионы) мы приходили в дома, общались, держали за руки даже глубоко дементных людей, вместе смеялись или грустили, а здесь нет? С чем связаны отказы? Почему нет культуры планирования встреч? Почему не работает административная выборка? Почему наши просьбы вызывают недоумение, а полученные обещания не выполняются? Почему в небольшом городке трудно найти время на короткий разговор? Где или кем блокируется коммуникация? Что препятствует общению? Ответы на эти вопросы и должны составлять описание реализованной выборки, прояснить и корректировать содержательные выводы, полученные из состоявшихся разговоров. То, что в количественных исследованиях измеряется коэффициентами достижимости (ответов, неответов, отказов и прерванных интервью), в качественных определяется особенностями договоренностей, экспозицией оставшихся в тени суждений, оценок и пересудов.

Когда Чирикова и Ледяев пишут, что «новое руководство отказалось от установки на активное участие в городской политике», или Солоненко объясняет свой отказ от аудиозаписи деликатностью темы (см. примеры выше), следует задать те же вопросы о реализации исследовательского плана, построении выборки, об ожиданиях, разочарованиях и надеждах полевого исследователя, а не пытаться за объективированными оправданиями скрыть нестыковки и шероховатости реального полевого опыта. И основная задача — не получить исчерпывающий и однозначный ответ, а сформулировать проблему, сбой, что позволит другим пройти этим же маршрутом и соотнести свой опыт с представленным материалом.

Радикальная субъективизация исследования как осмысленный отказ от обоснования и подтверждения в пользу сомнения и диалога

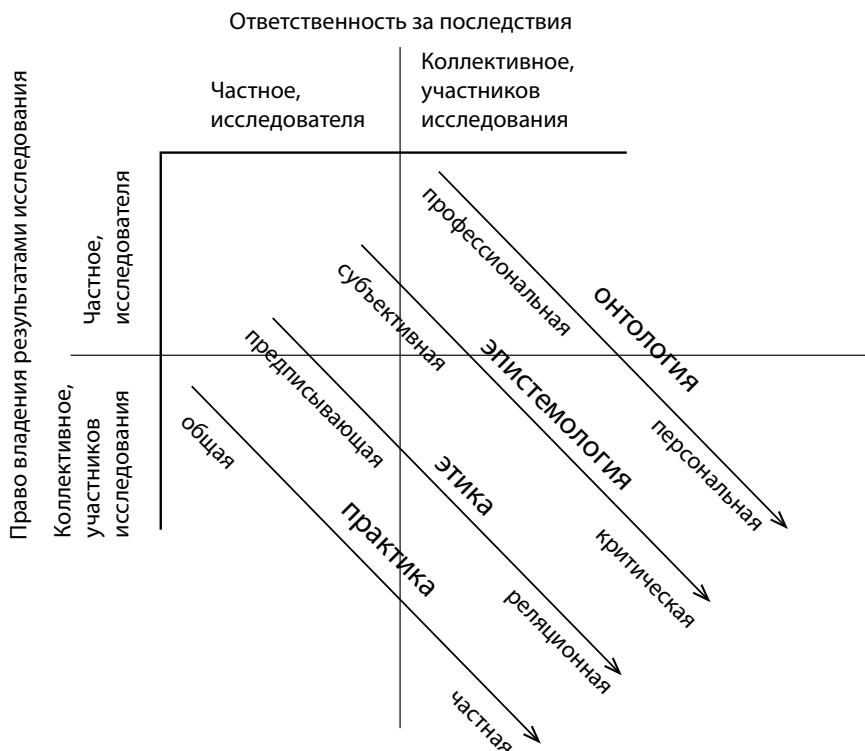
Критика объективирующего взгляда на мир стала визитной карточкой многих качественных подходов в социальных и гуманитарных исследованиях. Но наиболее последовательный и обоснованный отказ от культа объективного знания представлен в автоэтнографии [Рогозин, 2015; Peterson, 2015]. Другими словами, утверждение о субъективности любого исследования, формирование и поддержание субъектного научного дискурса — основа автоэтнографической позиции. В то время как традиционная этнография стремится понять культуру или группу через взгляд извне, автоэтнография делает акцент на личном опыте исследователя, соединяя этнографию и автобиографию в уникальную повествовательную форму [Orel, 2024].

Мартин Зальцманн-Эриксон, проведя скопинговый обзор (scoping review) автоэтнографических статей по медицинскому уходу, выделяет для их описания четыре оси: онтологическую, эпистемологическую, этическую и практическую [Sulzmann-Erikson, 2024: 591]. Автоэтнография определяется через осмысленное движение по каждой из осей. В онтологической — от профессионального полюса к персональному, через описание личной ответственности, навыков и умений, привязанных к индивидуальному выбору. В эпистемологической — от субъективного опыта к критической позиции. В этической — от предписывающего модуса к реляционному, формирующему спектр возможностей, а не ограничений. В практической — от общих, репрезентирующих большие группы суждений и действий к частным и локальным контекстам (рис. 1).

Основными для корректной интерпретации автоэтнографии выступают эпистемологическая и этическая оси, которые явно описывают базовую интенцию автоэтнографического проекта — осмысление субъективного и объективного с точки зрения критической позиции. В этом смысле автоэтнография парадоксальным образом смыкается с предельным развитием позитивистского проекта, представленного Карлом Поппером в его демаркации научного знания, определяемой фальсификационизмом [Поппер, 1983]. Основанием

для науки становится не объективное, предписывающее истину знание, а радикальное сомнение и фальсификация убеждений и выводов, прежде всего собственных. В свою очередь реляционность автоэтнографического проекта консонирует с методологическим анархизмом Пола Фейерабенда, во многом продолжающего позитивистский научный проект [Фейерабенд, 2007]. Тем самым многочисленная критика автоэтнографии и в целом всей качественной традиции определяется непониманием и предрассудками шаблонного мышления, не имеющего к научному поиску никакого отношения.

Рисунок 1. Многомерное пространство автоэтнографического исследовательского опыта

Основоположники современного стиля автоэтнографического письма Артур Бочнер и Кэролайн Эллис так описывают свои первоначальные интенции в изменении исследовательского подхода:

«Наша цель была трансгрессивной. Мы не только ставили под сомнение границы между социальными науками, искусством и гуманитарными дисциплинами; мы пытались их растянуть и пересечь, создавая новых исследователей и новые жанры представления. В процессе мы надеялись создать новых читателей и новое поколение студентов, привлеченных другим видом эмпирического исследования. Исследовательская

деятельность в гуманитарных науках больше не ограничивалась бы знанием — эпистемологией, — но также была бы направлена на заботу, чувствование и бытие — онтологию. В идеале читатели не только понимали бы, но и чувствовали истину автоэтнографических рассказов о прожитом опыте, и таким образом были бы более полно погружены и вовлечены — морально, эстетически, политически и интеллектуально» [Bochner, Ellis, 2022: 12].

Четыре оси автоэтнографического проекта по Мартину Зальцманну-Эриксону располагаются в пространстве этического выбора, определяемого через вопросы владения знанием и ответственности за последствия. Выступает ли полученное знание частным для исследователя или разделяется среди всех участников? В различных предуведомлениях, предисловиях, вступительных словах исследователи зачастую распределяют владение знанием среди участников, вместе с тем беря на себя всю ответственность за последствия. Именно на это указывает известная формула благодарности, зачастую сопровождаемая внушительным списком коллег и информантов, с последующей ремаркой о личной персональной ответственности за все написанное или сказанное. На деле же этический выбор динамичен и может изменяться не только в ходе исследования, но и после его завершения. Более того, этот выбор не всегда принимается исследователем и может оказаться для него полной неожиданностью. Именно поэтому настолько важна этическая рефлексия проекта и постоянная проверка текущего состояния, которую Мартин Зальцманн-Эриксон помещает в пространство права владения и ответственности.

Этическое переживание о праве и ответственности подталкивает Леона Андерсона к переосмыслению базового для современного общества различения между работой, семьей и досугом (в его случае прыжками с парашютом) [Anderson, 2011]. Ставя себя, собственные переживания в центр внимания, основатель аналитической автоэтнографии (см. подробнее: [Рогозин, 2015: 248–254; Anderson, 2006]) обнаруживает значимые культурные сдвиги в формировании жизненного мира современного человека, в котором стерлась грань между занятостью и досугом, семейным благополучием и личными достижениями, ощущением своего предназначения и отождествлением себя с некоторой значимой социальной группой.

Казалось бы, представленные дилеммы присутствовали всегда, были неотъемлемой частью человеческого существования. Однако изменился взгляд на мир, стало возможным не камуфлировать его под объективистские форматы доказательности, а смотреть прямо и непредвзято на происходящее с собой и своим окружением. Последовательно представляя личную историю, перемежая рассказ о событиях жизни с аналитическим обзором теоретических работ о досуге, Андерсон демонстрирует стиль аналитической автоэтнографии как практического инструмента проблематизации и актуализации культурных трюизмов. Внимательно читая статью Андерсона, можно обнаружить все четыре оси (см. рис. 1), которые разворачиваются в автоэтнографическом нарративе об участии и ответственности.

По онтологической оси Андерсон сознательно смещается с позиций объективной социологии к персональной онтологии, где опыт становится не просто набором данных, а основой жизни. Автор не анализирует «других» парашютистов, а исследует самого себя как социального актора, чья идентичность формируется в пересечении ролей — профессора, мужа, отца, парашютиста. Его онтология — это онтология становления, где «я» не дано, а производится в практике. Через автоэтнографию он легитимирует личный опыт как социальный факт, показывая, что профессиональная идентичность не исчерпывает человека, она переплетается с персональными устремлениями, страхами и мечтами.

По эпистемологической оси происходит трансформация субъективного повествования в критическое. Статья начинается как субъективный нарратив, но постепенно переходит в критический анализ. Андерсон не просто рассказывает о своих переживаниях, а интерпретирует их через социологические концепты: серьезный досуг, временной дефицит, идентичность как проект. Он использует личный опыт как линзу для критики мифа о свободном досуге, раскрывая, как современные условия превращают хобби в новую форму труда. Его знание — не просто интуиция, а рефлексивно обработанное понимание, где субъективное становится основанием для критического социологического вывода.

Автор отходит от этики долженствования («я должен прыгать, чтобы быть собой») к этике отношений (этическая ось: от предписывающей к реляционной). Его моральные размышления не сводятся к правилам поведения в сообществе, а сосредоточены на балансе между собой и другими — женой, пасынком, внуками. Он не осуждает себя за увлечение, но задается вопросом: не в ущерб ли близким? Этика становится реляционной: ценность досуга измеряется не мастерством, а его совместимостью с заботой о семье. В этом — отказ от жестких норм в пользу этики заботы, ответственности и взаимности.

Наконец, на практической оси демонстрируется важность сужения общего до частного. Хотя статья затрагивает общие темы — труд, досуг, идентичность, ее практическая ценность раскрывается на уровне частного опыта. Андерсон не предлагает универсальных решений, но демонстрирует, как один человек пытается жить в условиях множественных обязательств. Его стратегии — делегирование домашних дел, сокращение служебных нагрузок, попытки вовлечь семью — не рецепты, а примеры рефлексивной практики. Практика здесь — не инструкция, а процесс проб и ошибок, в котором частное становится пространством для социального понимания и личного выбора.

Многомерное пространство автоэтнографического исследовательского опыта Андерсона — это серия последовательных переходов, в основании которых лежат два важнейших различия: ответственность и право владения. Автоэтнография — это не набор персональных наблюдений, событий или историй, а теоретический нарратив с развернутой системой аргументации, опирающейся на онтологические, эпистемологические, этические и практические установки автора. Автоэтнография — это радикальная субъективизация, в которой различие между объективным и субъективным уступает место множественным различиям по четырем базовым осям.

Три взгляда на исследователя: «по работе», «отдохнуть» или «поговорить»

Департамент социальной политики и центр социального обслуживания в Анадыре занимают помещения на цокольных этажах жилых домов. Внутри небольшой коридор и маленькие комнаты, заставленные столами и шкафами. На столах, подоконнике, стульях груды бумаг. Скученности нет, многие в отпусках. Нет и рабочего энтузиазма. Размеренно, не торопясь, составляются отчеты, выписываются справки, заполняются ведомости. Согласовывать приходящие сверху распоряжения сложно. Один из руководителей социального обслуживания поясняет:

— Присылают индивидуальную программу реабилитации, если человеку инвалидность поставили, комиссионные сделали. Потом ИПРАшку разрабатывают (индивидуальную программу реабилитации), отправляют в отдел соцподдержки. Отдел соцподдержки смотрит, если там бытовые услуги, они эти ИПРА нам присылают. И мы уведомление направляем человеку по почте, что ему предлагается встать на надомное обслуживание. 99% не соглашаются. Мы у них не спрашиваем, вы хотите или не хотите. Мы пишем: придите к нам, — в этом уведомлении. И когда они приходят к нам, мы у них спрашиваем и предлагаю. 99% отказываются.

— А почему?

— У большинства родственники. Потому приходится самому находить и уговоривать (из полевого дневника).

И в эту рутинную размеренность ворвались мы со своими вопросами. Изначально ни интереса, ни любопытства, ни чая. Потом, когда разговорились, коснулись важнейших жизненных эпизодов, подтолкнули вспомнить поворотные моменты, каковых у каждого немало (все-таки Север!), дежурные улыбки сменились искренними, возникло желание помочь. Но скорее не с работой, а с отдыхом, с возможностью увидеть что-либо экзотическое. В отличие от работы, досуговая обыденность отнюдь не обесценена. Посещение яранги, рыбалка на кету и горбушу, прогулка на катере или поездка за ягодой — это заслуживает внимания и рассказа. А работа, уход за пожилыми, оформление отчетов — об этом и рассказать особо нечего: все по плану, закономерно, пусть иногда со срывами и задержками, но к установленному сроку.

Наши интервью вызвали интерес вопросами не о работе, а о личной жизни, судьбе. Этим мы обратили на себя внимание, вызвали улыбки или слезы тех, с кем удалось поговорить. Когда из-за непогоды перенесли один день рыбалки на понедельник (на Чукотке вылов рыбы разрешен лишь с пятницы по воскресенье), один из руководителей центра социального обслуживания с удовольствием отпросился, захватил меня на рыбалку, предварительно попросив семь с половиной тысяч «на расходники». Туризм недешев на Севере.

Расположились за двадцать километров от Анадыря, чуть дальше горы Дионисия. Растили две сетки по тридцать метров. Прекрасные были рыбака, уха, шашлык. И разговоры под дымок костра и укусы комаров:

— Никогда не выходи на берег, ни в коем случае не выходи с воды. Даже если тебя ждут, даже если стоят и рукой машут (смеется).

— Это кто такое правило придумал? Все знают про него?

— Берег придумал (смеется). Это как улица придумала (смеется) — закон улицы. А это — закон берега.

— И что? Помашут и уедут?

— Я сорок минут стоял ждал, помню, когда рыбачил. На сетке сижу, рыба тогда очень хорошо шла (у меня пацаны на берегу были, им еще сказал: я в одну сторону и обратно, минут двадцать-тридцать), икры набрали, надо было мыть, солить. Только ушел, смотрю — едут все. У них комиссия была, а тогда они у каждого останавливаются. Полицейские, рыбобаки, погранцы, эмчеэсовец даже был.

— Это что за рыбобаки такие?

— Инспектора по природопользованию с департамента. Я могу ошибаться, но это они сами придумали: так себя называли, и потом это только в народ перешло. Рыбобаки. И я такой зашел на воду, сижу на сетке, распугиваю. Ладно, думаю, проедут. Дальше сижу. Лодка почти полностью забита. Поворачиваюсь, смотрю: остановились. Подходят, смотрят на меня, рукой машут. Я такой медленно отвернулся, будто не заметил. Повернулся, смотрю, стоят руки в боки, на меня смотрят (смеется). Я достал сигареты, подкурил. Прошло минут двадцать, поворачиваюсь — они стоят. Ну, думаю, вы стоите, а я лягу. В костюме был и просто на всю эту рыбу взял и лег. Прошло минут сорок — уехали (м., представитель центра социального обслуживания, 34 года).

Много о чем еще говорили, тут-то я не удержался, спросил, почему не подготовились к нашему приезду, и получил в ответ: «Ну сказали мне, что едете. Два раза сказали. Я что, станцевать должен?!»

Методология автоэтнографического обогащения полевых материалов, собранных в разных режимах взаимодействия

Этот текст пишется на Крайнем Севере, в городе Анадырь, где до сих пор господствует вольный дух геологических партий освоения полезных ископаемых. Геологическая метафора, объясняющая особенности полевой работы, подходит и для социальных исследований. Посему процедура автоэтнографического обогащения может быть развернута по-северному, геологически, в четырех нелинейных тактах: дробление материала, измельчение, классификация и сгущение идей (рис. 2).

Рисунок 2. Этап обогащения полевого материала

Каждый торт реализуется в двух плоскостях: жизненном мире исследователя и исследуемого. Задача автоэтнографического обогащения — отделить руду (или концентрат, значимые смыслы) от породы (или наборов пусть осмысленных, но не имеющих отношения к текущему исследовательскому вопросу сюжетов). Каждый торт направлен на формирование авторского нарратива, наделяющего смыслом окружающий мир:

«Использование методов анализа, связанных с нарративным исследованием, представляется оправданным, поскольку автоэтнография также является формой нарративного исследования. Это может найти отражение в анализе через сохранение фокуса на собственном повествовании, внимание к тому, что рассказано (содержание) и как это рассказано (структура). В процессе анализа уважайте собственный голос и то, что вы стремитесь передать. Признавайте, что рассказы играют ключевую роль в создании смысла и помогают истолковать личный опыт» [Cooper, Liley, 2022: 202].

Во-первых, дробление материала — наиболее рутинный и сложный торт. От него зависит качество дальнейшего анализа. Собранная информация может остаться невостребованной, если вовремя, по ходу исследования, не произвести первичную обработку. Дробление — часть аналитической процедуры, в которую входит систематизация собранных интервью, добавление к ним записей неформальных разговоров.

Полевая работа представляет собой производство непрерывного нарратива, состоящего из разнонаправленных, порой противоречивых текстов. Всегда можно подойти формально и оставить за рамками анализа все, что не входит в согласованные и записанные интервью. Однако многое может быть проинтерпретировано иначе, если обращать внимание на случайные разговоры, оговорки до и после интервью, встречи на улице, в гостинице. Если в административной выборке ограничиваться лишь согласованными встречами, получишь административно-согласованное представление, которое может значительно отличаться от реалий, интересующих исследователя. Необходимой частью любой административной выборки выступают

инициативные беседы за пределами согласованного графика интервью. Принцип «безразличия к материалу», обозначенный Чангом [Chang, 2013], — это отсутствие отбора по ходу исследования, обогащение знания не только подготовленными, но и спонтанными нарративами, в которых голоса других соседствуют с автобиографическим повествованием. Бутц и Безио утверждают:

«Автоэтнографические нарративы могут принимать различные формы и возникать из разных позиций рассказчика, включая: (i) анализ собственных биографий как ресурс для раскрытия более широких социальных или культурных феноменов; (ii) рефлексивные размышления исследователей об их опыте, полученном в ходе полевой работы; (iii) реакцию информантов на их представление в академических текстах; (iv) результаты включенных наблюдений; (v) другие виды исследований „изнутри“, через участие в жизни сообществ. В каждом из этих стилей автоэтнографии анализируются, публично раскрываются и рефлексивно переосмысливаются представления о себе как способе формирования понимания мира в целом. Таким образом, автоэтнография по своей природе является транскультурной коммуникацией между исследовательским „я“ и более широким социальным полем, включающим „других“» [Butz, Besio, 2009: 1660].

Во-вторых, измельчение материала необходимо для того, чтобы в дальнейшем перекомпоновать собранные фрагменты в авторский, аргументированный текст. Значимые реплики, высказывания, короткие диалоги характеризуют прежде всего авторский взгляд, указывают на то, что оказалось значимым для исследователя. Субъективность выбора закрепляет ответственность и авторство высказывания. На этом этапе может проходить анонимизация реплик, что, с одной стороны, защищает информантов от возможных угроз некорректной или осуждающей интерпретации, с другой — задает область ответственности самого исследователя. Короткие высказывания аналогичны фрагментам рудного тела, очищенного от излишних примесей.

В-третьих, классификация в автоэтнографическом обогащении продолжает нести личностный, субъективный характер. В отличие от механистического кодирования, когда многочисленные однотипные коды могут быть реализованы потоковым образом и в чем-то повторять кодирования открытых вопросов в количественных исследованиях, автоэтнографическое кодирование всегда привязано к авторской позиции, к исследовательскому «я». Последнее необходимо исключительно для разметки нарратива с точки зрения владения и ответственности, формирования точности описания через эмоциональное, дескриптивное и личностное кодирования [Cooper, Lilyea, 2022: 201], которые затем могут быть воспроизведены уже в иной автоэтнографической оптике иным исследователем. Думитрика пишет:

«Вместо обоснования валидности, надежности и презентативности автоэтнографы обращают внимание на рефлексивность, значимость и эстетическую ценность, содержательный вклад и возможность написанного прояснить пережитую реальность» [Dumitrica, 2010: 28].

Ключевой характеристикой кодирования становится личный опыт исследователя, его биография, череда значимых событий. Потому Андерсон так подробно останавливается на деталях своих прыжков, размышлениях и переживаниях перед каждым взлетом [Anderson, 2011]. Поддаются классификации лишь те элементы нарратива, которые находят отклик в биографии исследователя, могут быть выделены и опознаны как важные и весомые. Это не значит, что исследуемый объект должен полностью отражать жизненный мир самого исследователя, а лишь указывает на необходимость согласования услышанного и увиденного с личным опытом. Здесь нет ничего нового, любой полевой исследователь ровно так и поступает. Но на уровне анализа зачастую отказывается от персональной позиции, затушевывает личный опыт безличными оборотами и обобщениями (см. выше разбор статей Чириковой с Ледяевым и Солоненко). Помнить о точности как важнейшей функции автоэтнографического письма — системообразующая задача классификации.

В-четвертых, сгущение идей — прием, впервые представленный Чеховым (см. подробнее: [Рогозин, 2024: 62]). Он направлен на подготовку итогового исследовательского нарратива, в котором с предельной точностью и убедительностью, компактно и безыскусно представлены основные аргументы, обоснования и доказательства. Сгущение есть базовый прием теоретического описания, а значит и построения социальной теории, основанной не на кабинетных изысканиях, а на полевой работе, расширенной до личного, биографического опыта. Поэтому основным модусом сгущения выступает критическая позиция к материалу, к себе и собеседникам. Бочнер и Эллис считают:

«Автоэтнографический анализ берет начало в сомнении и неопределенности. Быть живым значит быть неуверенным. Автоэтнография подходит нам и людям, похожим на нас, потому что это жанр сомнения, средство проявления, воплощения, изображения и переживания неопределенности» [Bochner, Ellis, 2022: 15].

Автоэтнограф ищет противоречия, нестыковки, сбои в собранных нарративах. Только в этих прослойках реальности скрыто новое знание, имеющее значение как для исследователя-туриста, так и для исследователя-собеседника и исследователя-новатора.

Три взгляда на долговременный уход: работа, туризм и жизнь

Работа в социальной сфере связана с отчетностью, выплатами и поручениями. Количество документации растет из года в год. Цифровизация привела к дублированию информации: все теперь набирается в электронном виде и в обязательном порядке фиксируется на бумаге. Кабинеты заполнены шкафами с документами. Люди за столами, заваленными бумагами, которые чуть позже должны быть перемещены в шкафы, воспринимаются как механизмы

по их созданию и транспортировке. Вопросы об особенностях отчетности в системе долговременного ухода, возможной оптимизации, совершенствованию документооборота вызывают недоумение:

«Ничего сложного. Что скажут, все исполним. Обычная работа. Много, но мы справляемся» (ж., помощник по уходу, 52 года).

Можно обратить внимание на несоответствие заполняемых и реально оказываемых услуг: по времени, по дню недели, по особенностям предоставления. Хотя услуги это только на бумаге, на деле — забота о близких. Никто из помощников по уходу не говорит, что оказывает услуги. Подавляющее большинство помощников на Чукотке — родственники. Они и раньше занимались тем же самым. Сейчас добавились зарплата и минимальная отчетность: нужно лишь попасть в запланированное, не отклониться от утвержденного.

Уже не спрашиваю о соответствии. Всем ясно и на материике, и здесь, что никакого соответствия между временем, выделенным на оказание услуги, и фактическим уходом нет. Поминутное расписание существует только в отчете. А на деле что есть, то есть. Этого не видит проверяющий и не помнит исполняющий. Когда ухаживаешь за родным человеком, разве стоишь с секундомером или проверяешь по бумаге, какой шаг пропустил, а какой оказался лишним?

— Что-то изменилось в вашем уходе, когда стали работать помощником? — спрашиваю опрятно одетую женщину пенсионного возраста, которая ухаживает за мужем. Вопросительный взгляд в ответ, поясняю, — что-то у вас изменилось? Можно считать работу помощника по уходу профессией?

— Ну, материальное: получать стала.

— Материальное, зарплата — это понятно, а еще что?

— Это все понятно. И еще, так бы я искала работу, а так я не работаю, получается. Понимаете, все время с мужем. А таким больным нужен круглосуточный уход.

— Вы на полную ставку работаете помощником?

— На 0,75. Сначала мы шли на полставки, а потом дали первую группу, но он еще двигался. Пока он мог сам себя обслуживать, у нас шло на полставки. А когда он обслуживать себя не стал, падать начал постоянно, я работать не смогла из-за этого, перевели на 0,75. И да, третью, обратиться можно за помощью, когда в больницу перевезти, одна бы не справилась. Хорошая программа, очень нам подходит (ж., помощница по уходу, 53 года).

Наш приезд воспринимается с нескрываемым удивлением. Нужно ли приезжать, чтобы разобраться с работой помощника, в такую даль, когда можно поговорить дистанционно или вовсе не говорить? Вся работа изложена на бумаге, в полном соответствии с предписаниями, а реальный уход — это

не работа, а забота о близком. Такова логика системы долговременного ухода, складывающаяся из разговоров с ее участниками.

Работы на Севере много, а оплата труда относительно северных цен небольшая, потому все совмещают: кто ставки, кто даже разные сферы деятельности. Встретил вахтера из департамента на другом объекте:

«У нас никто на одной работе не работает. Одна работа — это ни о чем. Потому приходится совмещать, какие накладки — обговаривать с начальством. Взял ипотеку на материке, годик-другой еще здесь поработаю и уеду» (м., вахтер, 38 лет).

Все помощники за небольшим исключением тоже где-то еще работают. В случае необходимости родственники подхватывают, помогают:

— Сейчас только помощником по уходу работает?
— Нет, еще в Росгвардии.
— Какой у вас график работы в Росгвардии?
— Понедельник, пятница, суббота, воскресенье по графикам. С девяти до восьми, а могут и в час ночи и два ночи. В случае чего как техник обязан выйти в любое время дня и ночи, неважно, какой день.
— А как расписаны часы работы помощника? На вечер, получается?
— Нет, у меня свободное время есть, я же не целый день на работе, я и с бабушкой сижу. Когда не получается, сестра помогает. График ненормированный: может целый день никто не вызывать, а может постоянно (м., помощник по уходу, 43 года).

В таких ситуациях глупо корректировать отчетность: что написано в документах, то и заполняется в конце месяца. Положенные часы и минуты отмечаются в точности по индивидуальной программе. А на деле все так, как нужно родному человеку:

— Вы в одной квартире живете? — спрашиваю сорокалетнего парня, ухаживающего за мамой и оформившегося помощником по уходу.
— А как иначе? Круглосуточно ухаживаю.
— То есть важно быть в ночное время?
— Обязательно. Без этого вообще никак: то таблетки могут понадобиться, там боли какие-то, то позиционирование, то переложить, потому что затекло... Какое тут может быть расписание? (м., социальный работник, 40 лет).

Все работают помногу: замещая, подменяя, договариваясь. Отдельная привилегия у коренных жителей: квоты на вылов рыбы. Это существенное подспорье по деньгам: рыба, икра, туристическое сопровождение. Раньше, когда был поток туристов из Европы, вовсе было хорошо, но и сейчас «на

расходниках» можно прожить. Сезон только туристический коротковат. Но мы попали в сезон, и нам предлагали посмотреть Чукотку по льготным расценкам: 7,5 тыс. на рыбалку, 15 тыс. с человека — прогулка на катере в соседний поселок, а дальше все серьезнее, зависит от набора услуг. Деньги для туристов справедливые. Если приехали в такую даль, заплатят. Случайных на Севере не бывает.

Так нас восприняли в Анадыре, и мы попривыкли к роли интервьюеров-туристов. Потому были крайне удивлены иным отношением в Угольных Копях: принимали как гостей. А когда ты гость, о деньгах речи быть не может. Просто неприлично брать деньги с гостя: ни за рыбу, ни за оленину, ни за китовое сало, ни за поездки. Здесь взаимная поддержка, равное отношение к людям и гостеприимство — основа жизни.

Еще на материке мы постоянно задавали вопросы, почему отчетность построена таким образом, что не учитывает реальное оказание услуг? Нам что-то отвечали, в общем-то соглашались с отсутствием логики в документации и одновременно отстаивали осмысленность заполняемых бумаг. Основной аргумент: если составили такие бумаги, пусть неудобные, значит это кому-то там, наверху, нужно. И только здесь, на Севере, различие между формальным и неформальным, официальным и жизненным оказалось слишком контрастным, не скрываемым. Что для начальства из Москвы нарушение, для рядового помощника, организатора и эксперта — реалии жизни. Но никаких нарушений просто не может быть на бумаге.

Заключение

Старение на Чукотке проходит с оглядкой на государство, региональные и федеральные выплаты. Но реальная старость видится иначе, для большинства — вне Чукотки. Пожилые люди окружены близкими, а если их рядом нет, вновь встает выбор: уезжать или обращаться в социальную службу. И многие уезжают, планируют отъезд, адаптируются к текущей занятости, совмещают и зарабатывают:

«Когда вернулся с армии, как в параллельную вселенную попал: ни друзей, ни родственников, ни знакомых. Мама только была. Друг был, работал специалистом в соцзащите, и я пошел специалистом. То есть всю работу от А до Я прошел. Сейчас отпускной период, сотрудники ушли в отпуск. И если кого нет, ничего страшного, я сам сажусь и их работу выполняю: прием граждан веду, документацию заполняю» (м., руководитель, 36 лет).

Исследователи, как и исследуемые, ограничены социальными нормами, требованиями и ожиданиями заинтересованных лиц (заказчиков, коллег, редакторов журналов, читателей). Ограничения диктуют придерживаться

объективации, убирать себя из текста, преподносить написанное как некоторую объективную, устойчивую и непротиворечивую данность. От исследователя ждут ответов, на основании которых можно сформировать поручение, составить очередной документ, обосновать заранее принятое решение. Но все это есть лишь игра в отчетность и документооборот, далекий от происходящего в жизни. Потому так скептически настроены информанты к любой попытке разобраться, согласовать бумажное и реальное.

Мы можем продолжать оптимизировать документооборот (помощники по уходу и исследователи ухода ничем не отличаются: и мы, и они заполняем отчетность, которая далека от реалий), а можем оглянуться на прошлое и повторить слова Олега Куваева, вынесенные в эпиграф, уже применительно к социологам. Можно увидеть, как старики-классики писали социологические романы, как давали завязку — фактический материал, интригу — ход собственных мыслей, развязку — выводы о социальном строении. Они писали комментарии к точке зрения противников, они дробили и измельчали материал, кодировали выделенные фрагменты и стущали до сути идеи, увиденные в формальных интервью и неформальных разговорах. И нам не мешает попробовать.

Литература / References

Поппер К. Логика и рост научного знания: Избр. работы / Пер. с англ В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983.

Popper K. (1983) *Logika i rost nauchnogo znanija: Izbr. raboty* [The Logic of Scientific Discovery and the Growth of Knowledge. Selected Works]. Transl. from Eng. by V.N. Sadovsky. Moscow: Progress. (In Russ.)

Рогозин Д. М. Здоровый образ жизни в старости // Социология власти. 2024. Т. 36. № 2. С. 55–77. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-55-77> EDN: OHBNJY

Rogozin D.M. (2024) Healthy Lifestyle in Old Age. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 36. No. 2. P. 55–77. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-55-77> (In Russ.)

Рогозин Д. М. Как работает автоэтнография // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 224–273. EDN: TRRRB

Rogozin D.M. (2015) How Autoethnography Works. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Sociological Review]. Vol. 14. No. 1. P. 224–273. (In Russ.)

Рогозин Д. М., Солодовникова О. Б. Зум и безумие в высшей школе: как образование становится цифровым. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023.

Rogozin D.M., Solodovnikova O.B. (2023) *Zum i bezumie v vysshey shkole: kak obrazovanie stanovitsya tsifrovym* [Zoom and Madness in Higher Education: How Education Becomes Digital]. Moscow: Izdatelskiy dom "Delo" RANHiGS. (In Russ.)

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе: контуры эмпирической модели // Мир России. 2025. Т. 34. № 2. С. 27–48. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-2-27-48> EDN: PRSUOQ

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. (2025) Power in a Small Russian Town: Contours of an Empirical Model. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 34. No. 2. P. 27–48. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-2-27-48> (In Russ.)

Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: Издательство «АСТ», 2007.

Feyerabend P. (2007) *Protiv metoda: ocherk anarchistskoj teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge]. Transl. from Eng. by A. L. Nikiforov. Moscow: Izdatelstvo "AST". (In Russ.)

Anderson L. (2006) Analytic Autoethnography. *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 35. No. 4. P. 373–395. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891241605280449>

Anderson L. (2011) Time is of the Essence: An Analytic Autoethnography of Family, Work, and Serious Leisure. *Symbolic Interaction*. Vol. 34. No. 2. P. 133–157. DOI: <https://doi.org/10.1525/si.2011.34.2.133>

Bochner A. P., Ellis C. (2022) Why Autoethnography? *Social Work and Social Science Review*. Vol. 23. No. 2. P. 8–18. DOI: <https://doi.org/10.1921/swssr.v23i2.2027>

Butz D., Besio K. (2009) Autoethnography. *Geography Compass*. Vol. 3. No. 5. P. 1660–1674. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1749-8198.2009.00279.x>

Chang H.V. (2013) Individual and Collaborative Autoethnography as Method: A Social Scientist's Perspective. In: S. H. Jones, T. E. Adams, C. Ellis (eds.) *Handbook of Autoethnography*. Walnut Creek: Left Coast Press. P. 107–119.

Cooper R., Lilyea B.V. (2022) I'm Interested in Autoethnography, but How Do I Do It? *Qualitative Report*. Vol. 27. No. 1. P. 197–208. DOI: <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2022.5288>

Dumitrica D.D. (2010) Choosing Methods, Negotiating Legitimacy. A Metologue on Autoethnography. *Graduate Journal of Social Science*. Vol. 7. No. 1. P. 18–38.

Orel M. (2024) Autoethnography in the Modern Workplace: A Reflexive Journey. *Journal of Organizational Ethnography*. Vol. 13. No. 2. P. 144–160. DOI: <https://doi.org/10.1108/JOE-06-2023-0038>

Peterson A. L. (2015) A Case for the Use of Autoethnography in Nursing Research. *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 71. No. 1. P. 226–233. DOI: <https://doi.org/10.1111/jan.12501>

Salzmann-Erikson M. (2024) A Scoping Review of Autoethnography in Nursing. *International Journal of Nursing Sciences*. Vol. 11. No. 5. P. 586–594. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnss.2024.10.002>

Solonenko E. A. (2025) The Reaction of Communities to a National Park: A Case in the Russian Far East. *Universe of Russia*. Vol. 34. No. 2. P. 75–94. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-2-75-94>

Сведения об авторе:

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, заведующий Лабораторией полевых исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **E-mail:** rogozin@ranepa.ru. **РИНЦ Author ID:** 251544; **ORCID ID:** 0000-0001-7879-1111; **ResearcherID:** 1-8374-2015.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2025

Принята к публикации: 07.10.2025

BAK: 5.4.1

Work, Leisure, and Old Age in Chukotka: Autoethnographic Beneficiation of a Social Survey³

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.1

Dmitry M. Rogozin

*Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration;
Institute of Sociology of FCTAS RAS Moscow, Russia
Email: rogozin@ranepa.ru*

The article examines the experience of a field study on the long-term care system in the Russian Far North. The author critiques the dominant discourse in Russian sociology of "objectified" academic writing, which obscures the subjective dimensions of the researcher's engagement with the field. As an alternative, the author proposes a method of autoethnographic beneficiation, structured around four analytical movements: fragmentation, pulverization, classification, and condensation of ideas. Drawing on an expedition to Chukotka, the article demonstrates how informal interactions, refusals, misunderstandings, and regional cultural specifics become meaningful elements of analysis. Through the lens of the researcher's personal experience, it reveals contradictions between formal reporting requirements and the actual practices of eldercare, as well as divergent local understandings of work, leisure, and hospitality in the North. The paper emphasizes the importance of reflexivity, ethical responsibility, and dialogicity in qualitative research, and advocates for the development of autoethnographic writing that integrates empirical fact, critical reflection, and narrative depth. The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Keywords: autoethnography; autoethnographic beneficiation; qualitative methods; fieldwork; long-term care; Chukotka; subjectivity; reflexivity; social policy; aging; leisure

Author Bio:

Dmitry M. Rogozin — Candidate of Sociology, Head of the Laboratory for Field Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** rogozin@ranepa.ru. **RSCI Author ID:** 251544; **ORCID ID:** 0000-0001-7879-1111; **ResearcherID:** 1-8374-2015.

Received: 11.08.2025

Accepted: 07.10.2025

³ The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.